

Об Александре Яшине

Бывает так, что знаешь человека много лет, почти целую жизнь, а какие-то последние штрихи, завершающие для тебя его облик, входят в сознание уже тогда, когда его не стало.

Так вышло и со мной. Лишь побывав в этом году на родине Александра Яковлевича Яшина, на Вологодчине, увидев ее северную неповторимую красоту, поездив по ее дорогам, пройдя из конца в конец по той улице в Вологде, которая названа теперь именем Яшина, и не один раз поговорив о нем с его земляками, для которых он не только хорошо знакомый, любимый ими и недавно ушедший из жизни человек, но уже и часть истории их края,— лишь после всего этого облик Яшина дорисовался в моем сознании.

Раньше мне не хватало того ощущения масштаба, которое возникает, ко-

гда вдруг взглянешь на жизнь человека и на дела, сделанные им при жизни, издали, а не впритык, как смотрел до этого. Наверно, мне никогда не видевшему Яшина там, у него на родине, на Вологодчине, не хватало полного понимания всей силы связей его с родной ему землей, с ее старым и новым, с ее испытаниями, печалью и радостями.

О силе этих связей с удивительной откровенностью и мудрой простотой сказал сам Яшин, говоря о духовных отношениях с собственными детьми в рассказе «Угощаю рябиной»:

«...дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани,— а я и есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется. Меня касается все, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые еще плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога. Всей кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля из-под снега, и мне не все равно, чем засеют ее в нынешнем году, и какой она даст урожай...»

Эти слова, взятые из одного из самых замечательных рассказов Яшина «Угощаю рябиной», можно было бы поставить эпитафией к его посмертному двухтомнику, равно и к стихам и к прозе. Хотя Яшин двадцати одного

года от роду уехал учиться и работать в Москву и многие годы жил там, чегыре долгих года провел на войне, а все-таки, вдали от своего родного края, он нравственно, частью своей души, всегда продолжал жить там. И это обнаружит всякий, кто будет читать его стихи и прозу, написанные в разные годы жизни, в том числе и в годы войны.

В молодости мы с Александром Яшиным вместе учились в Литературном институте имени Горького, который назывался тогда Вечерним рабочим литературным университетом и соответствовал своему тогдашнему названию. Все, кто учился в нем по вечерам, днем работали. Работал и Яшин — на ткацкой фабрике, заместителем редактора многотиражки.

Наши ровесники обычно, если мы не разлучаемся с ними на много лет, взрослеют и старятся незаметно для нас. И хотя, конечно, годы переменяли Яшина, но в моей памяти он и до сих пор все еще остается тем молодым человеком середины тридцатых годов, каким я видел его в годы наших занятий в Литературном институте. Он был высок, строен, крепко шит, с рыжеватыми, прямыми, падавшими на лоб волосами, с серьезным, редко улыбавшимся лицом. На нем лежала печать серьезности, уверенности в себе, той внутренней душевной работы, которая совершалась в нем. Он много думал и мало говорил. Тогда, в молодые годы, он казался старше своих лет и, наоборот, на шестом десятке, в последние годы своей жизни, казался моложе своих лет. Цельность природы и внутренняя сила,

несмотря на тяжелые недуги, почти до самого конца жизни помогали ему сохранять в своем облике что-то навсегда связанное с тем строгим и серьезным юношей, каким мы впервые увидели его в Москве три с половиной десятка лет тому назад.

Вспоминаю те первые семинары в Литературном институте, на которых Яшин читал вслух со своим глуховатым вологодским оканьем те самые стихи, которыми сейчас открывается его двухтомник. — «Вологда», «Олена»...

И по сей день звучит в моих ушах этот окающий голос, серьезный, строгий и в то же время с внутренней смешинкой, с затаенным, глубоко спрятанным озорством, которое тоже было смолду и до зрелых лет свойством его натуры.

Стихи были уже тогда — мастерские, с инструментовкой на «о», с веселым и метким использованием окающего вологодского говора. Не просто в чтении, а в самом тексте стихов. Помню, что тогда, по первому впечатлению, это казалось нам, ровесникам Яшина, чуть ли не самым примечательным в его стихах, и лишь потом стало понятно, что инструментовка стихов лишь самое первое, бросающееся в глаза выражение привязанности к родным местам, душевной неотделимости от них.

Но чем дальше, тем все ясней становилось, что эта неотделимость имеет куда более глубокий, коренной характер, что она составляет содержание стихов, что это не их внешность, а строчечная суть.

Это с большой силой почувствовалось потом и в его стихах военного времени.

Кто из нас в годы войны не испытал с особенной остротой чувства любви к своей подвергшейся жесточайшему испытанию Родине? Кто из нас не писал в те годы стихов об этом? Писал их и Яшин. Но в его стихах о Родине, написанных в военные годы, есть свой неповторимый оттенок. Его Родина в этих стихах — именно Вологодчина, именно его собственные родные места. Именно через свою сыновнюю привязанность к ним он ощущал всю русскую землю, всю Советскую страну.

Война сыграла немалую роль в его окончательном становлении и как поэта и как прозаика. Разным писателям достались на войне разные судьбы. Те из писателей, которые не искали в те трудные годы легкой жизни, — а таких было огромное большинство, — не выбирали, что им делать на войне. Они оказывались там, куда их послали, и делали то, что выпало на их долю. Об этом очень хорошо и очень просто сказал тогда же, во время войны, Михаил Исаковский:

И что положено кому —
Пусть каждый совершит...

Имя поэта Александра Яшина в годы войны не было одним из громких имен нашей литературы. Вышло так, что он мало печатался тогда в центральных газетах и журналах, а нес свою службу военного корреспондента во флотской печати. Там же главным образом печатались и его стихи. Но к концу войны за его плечами был осажденный Ленинград, морская пехота, Волжская военная флотилия, Сталинград, бои на Черноморье. Он вступил в партию накануне

не войны и прошел ее трудными дорогами как военный газетчик и флотский политработник. Его военную биографию можно проследить по его стихам военных лет. А то, что он вынес из войны, легко почувствовать во всем его послевоенном творчестве. Он пришел на войну далеко не мальчиком, но вышел из нее вполне зрелым человеком, и дальнейший путь его и как поэта и как писателя — путь человека, хорошо знающего глубину тех проблем, о которых он пишет, и не желающего всплывать на поверхность, искать мелководье или мелкотемье, жить полегче и попроще. От соблазнов подобного рода он уклонялся с завидной последовательностью. И хотя в его стихах послевоенных лет часто встречаешь улыбку, но почти всегда этой улыбкой освещены серьезные мысли о серьезных вещах.

Яшин писал стихи тридцать семь лет — это целая жизнь. Как поэт он вошел в пору зрелости уже давно, много лет или, если можно так выразиться, много книг тому назад.

Прозаиком он стал позже. Первые его рассказы из цикла «Вместе с Пришвиным» датированы пятидесятым годом, временем, когда Яшин приближался к сорокалетию. Обычно, когда поэт берется за прозу не походя, а с сознанием важности для себя новой дороги, на которую он выходит, уже первые его прозаические опыты бывают отмечены печатью той дисциплины слова, которую дает предварительная школа стихотворства.

Едва начав писать прозу, Яшин сразу заявил себя мастером.

Почти вся проза Яшина, за исключе-

нием нескольких рассказов и повести «Сирота», написана от первого лица. И думается, это не потому, что Яшин как поэт по преимуществу лирик и лирический опыт уже стоял за его плечами к тому времени, когда он взялся за прозу. А потому, что с течением лет он стал испытывать необходимость рассказать о собственных переживаниях и собственных встречах с людьми и с природой не только стихами, но и как-то по-другому, более прямо, непосредственно, обширно. И в этом смысле его проза — и продолжение прежних стихов и соседка новых.

Посмертный двухтомник Яшина, где присутствуют и стихи и проза, а в самой прозе соседствуют такие разные и в разное время написанные вещи, как «Сладкий остров», «Вологодская свадьба», «Сирота» или «Угощаю рябиной», позволяет нам увидеть все вместе, в естественном соседстве, где рядом с еще не желающим умирать старым растет новое, где в быту переплетается уродливое и прекрасное, где есть и свет и тени, а сквозь всё звучит высокая чистая нота авторского голоса, полного любви к природе и к людям своего родного края, любви жизнеутверждающей и непримиримой ко всему, что то там, то тут еще продолжает уродовать и человеческую жизнь и красоту природы. Настоящая, сильная любовь не обтекаема, а угловата. Об нее порой можно и ушибиться, но только такая любовь учит человека быть человеком и, свято веря в победу добра над злом, именно в силу этой веры никогда не проходить равнодушно мимо зла, большого или малого.

Александр Яшин сам был таким человеком. Таков и лирический герой его поэзии и прозы. Из такого же теста слеплен и Шурка из повести «Сирота», при всей особенности его судьбы, своей натурой напоминающий мне Яшина.

Я последний раз видел Александра Яковлевича Яшина в больнице незадолго до его смерти. Болезнь измучила его, но он говорил не о болезни, а о том, как много недоделано, как хотелось бы успеть еще поработать, сделать еще что-то необходимое людям. Он не мог не думать о смерти, но говорил о жизни и о работе со страстью человека, которому жизнь нужна для работы.

Впрочем, лучше всех сказал об этом он сам незадолго до смерти, накануне тяжелой операции, отвечая на анкету о народности поэзии, о ее национальных и классических традициях.

«Работа ума прибавляет!» — говорится в народе. Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется, и только так писать, как можно полнее. Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее, — правдивее настолько, насколько позволяют собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет и партийной и народной».

К этим собственным словам Александра Яшина ничего не хочется прибавлять.